

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Аннотация: Статья содержит анализ особенностей репрезентации виртуальной реальности в ее единстве с реальностью действительной. Рассмотрены различные подходы к анализу виртуальности и виртуальной реальности, в том числе в условиях парадигмального сдвига от постмодернизма к постпостмодернизму. Выявлены основные причины и направление такого парадигмального сдвига. Рассмотрена роль цифровых технологий в формировании виртуальной реальности и становлении виртуальной культуры и искусства.

Ключевые слова: постмодернизм, постпостмодернизм, цифровое искусство, виртуальная реальность, виртуальность.

Проблеме репрезентации в философии всегда уделялось самое пристальное внимание, что в конечном итоге привело к формированию эпистемологии, ставящей перед собой задачу определения статуса различных форм дискурса – «науки, морали, искусства и религии – в соответствии с тем, насколько хорошо они репрезентируют реальность» [23].

Дианова пишет, что с помощью термина репрезентация (фр. - *représentation*), лучше всего выражающем «смысл новоевропейского представления о сущем» переводили на французский язык понятия «*mimesis*» [9]. В то же время крупнейший специалист в области античной эстетики А.Ф. Лосев указывал, что этимология слова «*mimesis*» до сих пор неясна и ни один из европейских языков не имеет адекватного ему термина [14: 53.]. На русский язык, как пишет Дианова, французское «*représentation*» переводилось в разные периоды как «подражание», «воспроизведение», «освоение», «отражение», «воссоздание». В соответствии с Новым французско-русским словарем аналогом этого понятия в русском языке являются термины «изображение», «воспроизведение», «отображение» и «представление», (заметим, что в т.ч. «представление информации»!) [6: 947]

Таким образом, термин репрезентация в различные исторические периоды имел характерные смысловые особенности, исследованию которых посвящена обширная литература. Так, неокантианская трактовка термина репрезентации очень удачно сформулирована Хамелиным, писавшем, что репрезентация вопреки своему этимологическому значению не представляет и

не отражает объект и субъект, но есть и объект и субъект, и сама действительность: «Репрезентация есть бытие, а бытие есть репрезентация» (“*La représentation est l'être et l'être est la représentation*”) [35: 374].

В современной науке по вопросу о сущности репрезентации также нет единого мнения. Гудмен, например, рассматривает репрезентацию как символную систему, одинаково применимую как в науке, так и в искусстве [34: 264]. Мадразо [39] отмечает, что являясь философским понятием, репрезентация не ограничивается рамками отдельной дисциплины, но в каждой из них имеет свое специфическое значение: в лингвистике она рассматривается в аспекте языка как символной системы, отображающей реальный мир; в психологии как субъективный мысленный образ; в архитектуре она охватывает выражение идей посредством чертежей (схем, диаграмм и т.д.) или моделей (как математических, так и физических); и, наконец, в искусстве, «репрезентация является формой, которая выполняет эстетическую функцию». Исследователь полагает, что «в более широком смысле репрезентацию следует рассматривать как концептуальный каркас, связывающий субъект и объект; как то, что делает действительность понятной».

Позиция Мадразо наиболее соответствует рассмотрению эстетического как субъективного свойства информации, определяемого ее ценностью, зависящей от целей и тезауруса реципиента. Но если репрезентация есть то, что делает понятной действительность, то что мешает нам рассматривать ее и как то, что делает понятной виртуальность? Тем более, что согласно «центральной теореме виртуальной реальности» Яшина, «действительная» и «виртуальная» реальности есть «два взаимосвязанных и взаимообусловленных объекта материального мира» [29: 15-16].

Близкой позиции придерживаются также представители отечественной школы виртуалистики (Н.А. Носов, В.Ф. Жданов, В.Л. Карпинский, А.Н. Михайлов, Я.В. Чеснов, Ю.Т. Яценко и др.), в рамках которой виртуальность рассматривается как особая, не сводимая к другим, философская категория, которая задается как член относительной, несубстанциальной, беспредметной категориальной оппозиции виртуальный – константный.

Представители школы утверждают, что независимо от природы (физическая, психологическая

* © Богомолова М.А., Ерохин С.В.

кая, социальная, биологическая, техническая и др.), виртуальная реальность обладает следующими свойствами: порожденностью (т.е. виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; при этом порождающая реальность называется константной); актуальностью (указывающей, что виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь» и только пока активна порождающая ее реальность); автономностью (как следствие того, что в виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования); и интерактивностью (предполагающей, что виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них) [18].

Таким образом, виртуалистика предполагает существование двух типов реальности: виртуальной и константной, каждая из которых одинаково реальна. Более того, поскольку отношения между виртуальной и константной реальностями относительно, а существовать реальностей в их взаимопорождении и свертывании может неограниченное количество, то вопрос о первичной и истинной реальности в виртуалистике снимается. Это положение называют «полионтизмом».

Маньковская отмечает, что в рамках виртуалистики имеет место расширительная трактовка понятия виртуальной реальности и ее основных типов и такой подход представляется ей весьма дискуссионным [16: 310].

Емелин рассматривает виртуальную реальность как «организованное пространство симулякров – особых объектов, "отчужденных знаков", которые в отличие от знаков-копий фиксируют не сходство, а различие с референтной реальностью». При этом он подчеркивает, что «не следует рассматривать симуляцию и виртуальную реальность как нечто однозначно негативное» и, прежде всего потому, что «виртуальность является феноменом, имманентным самой структуре бытия, воплощающим возможность творческой, генерирующей деятельности» [11].

Кулагина [13] рассматривает виртуальность как неотъемлемую характеристику человеческого образа реальности, предлагая концепцию виртуальности как инварианта социокультурной реальности, и выделяя в качестве сопроцесса виртуализации реальности процесс «информационной социализации». Концепция Кулагиной, выходя за рамки дихотомии реальность – виртуальность, предполагает две основные компоненты виртуальности: статическую, выраженную в совокупности виртуаций и очагов виртуализации, генерирующих поле интересубъективных смыслов культуры, и динамическую, которая фиксирова-

на в отношении существования различных типов коммуникации в рамках информационной культуры и в связи с доминирующей стратегией в приращении активной и пассивной компонент виртуальности в сознании субъекта.

Исследования виртуальности и виртуальной реальности занимают ключевое место в исследовании процесса виртуализации культуры.

Кулагина [13] констатирует «наличие целой традиции рассмотрения феномена виртуальности и процессов виртуализации в современной культуре». По ее мнению, в рамках этой традиции отправной точкой исследований можно считать философские концепции постмодернизма и теорию информационного общества. Более того, она утверждает, что в современном мире проблема виртуальности и виртуализации общества переходит в разряд общечеловеческой. Она отмечает, что большинство современных исследований по проблеме виртуальной культуры можно сгруппировать в два основных блока, рассматривающих виртуализацию соответственно как регрессивный (Бодрийяр, Делез, Джеймсон, Вирильо и др.) и как прогрессивный процесс (Лири, Кагельс и др.).

В рамках первого блока термин виртуальность чаще всего используется для обозначения потенциального состояния, которое может стать актуальным, т.е. виртуальное противопоставляется не реальному, а актуальному (Делез [33], Леви [38] и др.), либо для обозначения того, что хотя и не является реальным, но обладает всеми качествами реальности в актуальном (Бертье [31]).

Рассмотрение виртуализации как прогрессивного процесса наиболее характерно для теорий, разрабатываемых в рамках теории информационного общества. В соответствии с такими теориями виртуальность рассматривается как продолжение человеческой субъективности (Орехов [19]), как фактор эволюции, т.е. как процесс становления в условиях информационного общества человека «новой породы», который создаст свою «киберделическую» ("cyberdelic") политику и культуру XXI века (Лири [37]) и даже как основу виртуального мира, который сам «начинает выступать в качестве основы всех других миров» (В. и С. Михайловы [17]).

В рамках эстетики виртуальное часто рассматривается в рамках постмодернизма (см. напр. [7; 11] и др.), однако Маньковская утверждает, что «эстетика виртуальности концептуально шире постмодернистской эстетики» [16: 311] и ее следует рассматривать в рамках постпостмодернизма. По ее суждению, «новая эстетическая картина виртуального мира отличается отсутствием хаоса, идеальной упорядоченностью, сменившей постмодернистскую игру с хаосом», а «взаимопереходы бытия и небытия в виртуальном искусстве

свидетельствуют не только о художественном, но и о философском, этическом сдвиге, связанном с освобождением от парадигмы причинно-следственных связей...» [16: 312].

Мы полностью согласны с Маньковской. Остается только выяснить: чем обусловлен этот сдвиг и в каком направлении он произошел?

Парадигма постмодернизма тесно связана с другой парадигмой – синергетической. Несмотря на то, что Данилевский полагает, что ни постмодернизм в принципе нельзя рассматривать как парадигму, он соглашается с тем, что «синергетика и постмодернизм – глубоко родственные теории» и, более того: «по большому счету синергетика и постмодернизм – одно и то же» [8: 264-266].

Как известно, в рамках синергетики хаос рассматривается в аспекте возникновения из него порядка (Пригожин, Хакен и др.). Безусловно, такой подход не является новым: он восходит к воззрениям Платона (см. [3: 280]), но в рамках синергетической интерпретации в роли Демиурга выступает неравновесность, которая и «есть то, что порождает “порядок из хаоса”...» [20: 238].

В синергетике ключевым является процесс самоорганизации, а нелокальность, случайность, нелинейность и необратимость приобретают фундаментальное значение (см. напр., [20]). Но синергетическая нелокальность на деле оказывается делокализованностью [8: 261], случайность и нелинейность не отрицают существования причинно-следственной связи, а необратимость, напротив, подчеркивает ее.

Сегодня синергетика все чаще подвергается критике (см. напр., [2; 24; 25] и др.). Более того, ей отказывают в признании как науки о самоорганизации [8: 241]. И такая критика чаще всего осуществляется с позиций квантовой механики.

Так, Азрянец указывает на то, что в современном научном мировосприятии формируется новая, немарковская парадигма, основанная на немарковских процессах. При этом, «в отличие от марковской парадигмы, в которой предполагается локальность, точечность частиц в пространстве и времени, в немарковской возникает нелокальность. В глобальном аспекте это означает возврат к монадологии Лейбница, в которой части мира – монады – были бы синхронизированы друг с другом несильным образом, т.е. когерентизированы, и отражали бы в себе наподобие кусочков голограммы весь мир» [1: 102-103].

Новая парадигма еще не сложилась окончательно, но свое видение этой парадигмы предлагают многие исследователи. Так, Данилевский предлагает квантово-нелокальный вариант, подчеркивая детерминированность квантовых систем [8: 257-258]. Дойч также указывает на то, что такие системы «в принципе предсказуемы» [10:

206].

Янчилин излагает свое видение в рамках квантовой теории гравитации [27], развивая нелинейность до дискретности на основе концепции дискретного движения частиц [28: 92-94].

Разрабатывая концепцию возникновения и движения живой материи, Яшин [29] опирается на теорию суперструн (см. [12]), являющуюся по мнению исследователя наиболее адекватным аппаратом квантовых полевых теорий.

Рассматривая виртуальную реальность в триединстве «мышление – виртуальная реальность – “параллельные миры”», Яшин указывает на то, что в этом случае невозможно «определенно говорить о необратимости времени, то есть “стрелы времени” И. Пригожина» [29: 7-9]. В своих исследованиях он подчеркивает, что «виртуальная реальность есть феномен фундаментальный», более того она «суть информация об объектах или процессах, не имеющая своего приемника...», но как только такой приемник появляется, «виртуальная реальность становится объектом осмысления, то есть “обычной реальностью”...» [29: 10].

Таким образом, Яшин рассматривает виртуальную реальность как основу действительной реальности. Такой подход близок к указанной выше позиции В. и С. Михайловых [17]. Более того, по мнению исследователя, действительная реальность актуализируется из виртуальной в процессе осмысления, т.е. обработки информации, каковой является реальность виртуальная.

Теория Яшина очень интересна, однако, как и ее основа – теория суперструн, представляется нам весьма дискуссионной. Так, например, рассмотрение действительной реальности как актуализированной из виртуальной в результате ее осмысления человеком, предполагает вывод о том, что остальные формы живых существ существуют только в рамках виртуальной реальности.

В любом случае, приведенные выше примеры, позволяют нам сделать вывод о том, что отмеченный Маньковской парадигмальный сдвиг от постмодернизма к постпостмодернизму обусловлен изменениями в мировосприятии, в том числе научном: от недетерминированности, необратимости, нелинейности и делокализованности к детерминированности, обратимости, дискретности и нелокальности.

Сравнивая особенности классического, модернистского и постмодернистского искусств, Дианова писала: «Если классическое искусство отражало или изображало реальность, модернистское — стремилось к преобразению реальности, то постмодернистское, пожалуй, изобретает, создает реальность, живет в мире киберпространства, симулякров, гиперреальности, пытается таким

образом вернуть нам истинную, утраченную, давно забытую реальность [9].

Постпостмодернистское искусство пошло еще дальше. Как пишет Маньковская, в центре интересов постпостмодернистской эстетики лежит не «третья реальность» постмодернистских художественных симулякров, пародийно копирующих «вторую реальность» классического искусства, а виртуальные артефакты как компьютерные двойники действительности, иллюзорно-чувственная квазиреальность. Виртуальный артефакт по мнению исследователя представляет собой «автономизированный симулякр, чья мнимая реальность отторгает образность, полностью порывая с референциальностью». В виртуальном мире место означающего «занимает фантомный объект, лишенный онтологической основы, не отражающий реальность, но вытесняющий и заменяющий ее гиперреальным дублем» [16: 311-312].

На самом деле, как было показано выше, онтологическая основа есть – это та самая основа, в рамках которой реализуются дискретное движение, квантовая телепортация и обратимость времени. И, таким образом, пост-постмодернистское искусство репрезентирует реальность, но репрезентирует ее через реальность виртуальную.

В конце 1970-х (цитируемая книга «Порядок из хаоса» вышла на французском языке в 1979 году [40]) в отношении художественного творчества Пригожин писал: «Трудно избежать впечатления, что различие между существующим во времени, необратимым, и существующим вне времени, вечным, лежит у самых истоков человеческой деятельности, связанной с операциями над различного рода символами. С особой наглядностью это проявляется в художественном творчестве. Так, уже один аспект преобразования естественного объекта... в предмет искусства прямо соотносится с нашим воздействием на материю. Деятельность художника нарушает временную симметрию объекта...» [20: 259-260].

В современном цифровом искусстве создание произведения искусства уже не соотносится с воздействием на материю, не нарушает временную симметрию, а следовательно в таком искусстве, как и в среде его существования – виртуальной реальности – «возможности начать все сначала не ограничены...» [16: 312].

Маньковская рассматривает виртуальную реальность в искусстве прежде всего как созданную компьютерными средствами искусственную среду, в которую можно проникать, меняя ее изнутри и испытывая при этом реальные ощущения [15; 16].

Нам представляется, что такая трактовка виртуальной реальности несколько сужает ее роль. Как справедливо в этой связи отмечала Кулагина, распространенный подход к исследо-

ванию виртуальности, состоящий в попытке «сведения виртуальности как таковой к ее частному случаю - компьютерной виртуальности выглядит недостаточно аргументированной и приводит к оппозиции реальности и виртуальности» [13].

Замеченная Кулагиной тенденция вполне очевидна, если вспомнить, что сам термин «виртуальная реальность» первоначально использовался именно для обозначения трехмерных компьютерных макромоделей реальности [36]. Тем не менее, Маньковская безусловно, права в том, что именно компьютерные технологии позволили художникам освоить виртуальную реальность. Освоить не только как среду существования и одновременно форму художественных произведений, но и как способ познания и репрезентации действительной реальности.

Емелин подчеркивал, что «не следует ни в коей мере умалять значение новейших электронных технологий, ведь именно они послужили тем толчком, который инициировал процессы, в результате которых и началась та экспансия "виртуальной реальности", которая наблюдается в сегодняшнем постмодерном обществе» [11].

Рассматривая виртуальную реальность как форму существования художественных произведений, Маньковская далее связывает принципиальную эстетическую новизну современного искусства с «открывшейся для воспринимающего возможностью ощутить мир искусства изнутри..., благодаря пространственным иллюзиям трехмерности и тактильным эффектам погрузиться в него, превратиться из созерцателя в протагониста» [16: 312]. В качестве характерного примера таких произведений можно привести «иммерсивные» виртуальные миры «Осмоз» ("Osmose", 1995) и «Эфемерное» ("Ephémère", 1998), созданные Девис (Davies) и подробно описанные Дипвелл [32].

По нашему мнению, Маньковская очень точно формулирует специфику современного виртуального искусства, заключающуюся «в интерактивности, позволяющей заменить мысленную интерпретацию реальным воздействием, материально трансформирующим художественный объект». Она отмечает, что начавшееся в рамках искусства постмодернизма превращение реципиента из пассивного наблюдателя в соавтора художественного произведения, в пост-постмодернизме приводит к оформлению принципиально нового типа эстетического сознания. При этом Маньковская отмечает, что смещение традиционных пространственно-временных ориентиров обусловлено изменениями характера и способов передачи, обработки и представления информации. В предельном случае такое смещение приводит к толерантному отношению к убийству «как неокончательному акту, не наносящему необра-

тимого ущерба существованию другого» [16: 311-313].

Постпостмодернистская эстетика с точки зрения Маньковской обретает новое качество, «связанное с эффектом артификальной мнимоподлинности», а постпостмодернистское искусство «визуализирует теоретико-эстетическое отторжение бинарности, постмодернистский отказ от оппозиции реальное – воображаемое, материальное – духовное, живое – неживое, оригинальное – вторичное, естественное – искусственное, внешнее – внутреннее, мужское – женское, восточное – западное и т.д.» [16: 314]. Так морфинг, как способ превращения одного объекта в другой путем его постепенной непрерывной деформации, лишает форму классической определенности и такая «неструктурированная форма воплощает в себе снятие оппозиции прекрасное – безобразное».

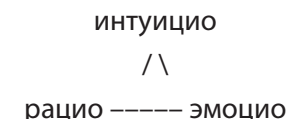
В своем эссе «Символический обмен и смерть» (“L’Echange Symbolique et La Mort” [30] Ж. Бодрийяр писал, что Нью-Йорк является тем единственным в мире городом, «который на протяжении всей своей истории с поразительной точностью и в полном масштабе являет собой современную форму системы капитала; при перемене этой формы мгновенно меняется и он сам...». При этом он подчеркивал, что если раньше форма города отражала конкуренцию, то к 1976 году этот образ полностью изменился. «Эмблемой капиталистической системы стала... перфокарта...» и Нью-Йорк приобрел «квадратно-бинарный пейзаж..., над которым высятся две стеклянно-алюминиевые башни Всемирного Торгового Центра...» (World Trade Center –WTC), эти «неуязвимые сверхзнаки всемогущества системы». Такая архитектура по мнению Бодрийяра воплощает собой систему монополии, а факт наличия двух башен WTC «означает конец всякой конкуренции, конец всякой оригинальной референции» [5].

Часто начало эпохи постмодерна отсчитывают с 15 часов 32 минут 5 июня 1972 года, когда в Сент-Луисе взрывом была уничтожена часть комплекса, реализованного в рамках «проекта модерна». И примерно в это же время (5 августа 1966 года) было начато строительство башен-близнецов, разработанных архитектором М. Яасаки совместно с А. Бриттечи и «Эмери Рот и Сыновья» (“Emery Roth & Sons”), уничтожение которых в результате террористического акта 11 сентября 2001 года многие обозначают как дату смерти постмодерна (см., напр. [26]).

События 11 сентября показали, что всемогущая система уязвима. Террористический акт в Нью-Йорке – страшная трагедия, но часть ответственности за происшедшее лежит на каждом из нас: все мы слишком легкомысленно отказались от бинарности и слишком часто не раз-

личали воображаемое и реальное, материальное и духовное, искусственное и естественное, внутреннее и внешнее.

И сегодня происходит глубокое философское переосмысление оппозиционных категорий в направлении отказа от бинарности в пользу полиарности. Так, Баранцев полагает, что наиболее перспективным является использование тернарных структур – системных (целостных) триад. По мнению исследователя дополнение бинарной оппозиции третьим элементом необходимо для решения проблемы их противоречия. Третий элемент выступает здесь «как мера их компромисса, как третейский судья, как условие существования» [4: 28]. Семантическую формулу системной триады Баранцев основывает на способности человека мыслить одновременно и понятиями, и образами, и символами:

В соответствии с данной формулой (рацио – эмоция – интуиция) Баранцев приводит примеры нескольких «классических триад, прочность которых проверена временем»: истина – красота – добро; ум – чувство – воля; тело – душа – дух; и др. и подчеркивает, что данная структура схема удобна для построения триад на основе диад: «расположение исходной диады на семантическом треугольнике подсказывает, где, в каком аспекте искать недостающее звено». Так, аналитическо-качественную диаду «порядок – хаос» Баранцев «замыкает» через субстанциональное «творчество» [4: 117].

Именно этой полиарностью во многом обусловлено зафиксированное Маньковской становление «новых форм художественного видения, сопряженных с полимодальностью и парадоксальностью восприятия» [16: 315]. И особое значение в становлении таких форм играет цифровое искусство. Будучи нематериальным, оно позволяет «погрузиться в область чистой фантазии, переструктурирует соотношение рационального и иррационального, конкретного и абстрактного, объективного и субъективного, усиливая концептуально-проектное начало творчества» [16: 322].

Технические возможности современных цифровых технологий расширяются и совершенствуются с каждым днем, но, как пишет Маньковская, «постпостмодернистская компьютерная эстетика при всей изощренности своего инструментария, полижанровости и полистилике на новом технологическом уровне во многом возрождает эстетику волшебных сказок и театральных чудес» [16: 326].

И хотя совмещение научного и внеаучного знаний предполагала уже постмодернистская парадигма (см. напр. [21; 22]), возможно в рамках постпостмодернизма именно сказка будет тем необходимым звеном, которая поможет нам познать действительную и виртуальную реальности в их неразрывном единстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азроянц, Э.А. Немарковские процессы как новая парадигма / Э.А. Азроянц, А.С. Харитонов, Л.А. Шелепин // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 94-103.
2. Акопян, И.Д. Философские основания единства биологического и физического знания / И.Д. Акопян. – Ереван: Издательство АН АрмССР, 1987. – 123 с.
3. Аршинов, В.И. Естествознание и развитие: диалог с прошлым, настоящим и будущим / В.И. Аршинов, Ю.Л. Климонтович, Ю.В. Сачков // Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Изд. 5-е. – М.: КомКнига, 2005. – (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»). – С. 278-287.
4. Баранцев, Р.Г. Синергетика в современном естествознании / Р.Г. Баранцев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 144 с. – (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»).
5. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
6. Гак, В.Г. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 1998. – 1195 с.
7. Галкин, Д.В. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна / Д.В. Галкин // Критика и семиотика. – 2000. – № 1-2. – С. 26-34.
8. Данилевский, И.В. Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2005. – 376 с.
9. Дианова, В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность / В.М. Дианова. – СПб: Петрополис, 1999.
10. Дойч, Д. Структура реальности / Д. Дойч. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 400 с.
11. Емелин, В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11. / В.А. Емелин. – М., 1999.
12. Каку, М. Введение в теорию суперструн / М. Каку. – М.: Мир, 1999. – 624 с.
13. Кулагина, И.В. Виртуальность как инвариант социокультурной реальности: методологические основания социальных исследований: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. / И.В. Кулагина. – Томск, 2004. – 134 с.
14. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1974.
15. Маньковская, Н. Виртуальный мир и искусство / Н. Маньковская, В. Могилевский // Архетип. – 1997. – № 1.
16. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с. – (Серия «Gallicinium»).
17. Михайлов, В.А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества / В.А. Михайлов, С.В. Михайлов // Сб. науч. тр. «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 34-52.
18. Носов Н.А. Манифест виртуалистики / Н.А. Носов. – Тр. лаб. виртуалистики. – Вып. 15. – М.: Путь, 2001. – 17 с.
19. Орехов, С.И. Виртуальная реальность: Исследование онтологических и коммуникационных основ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. / С.И. Орехов. – Омск, 2002.
20. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Изд. 5-е. – М.: КомКнига, 2005. – 296 с. – (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»).
21. Разум и экзистенция. Анализ научных и внеаучных форм мышления. – СПб.: РХГИ, 1999. – 402 с.
22. Романовская, Т.Б. Рациональное обоснование внеаучного / Т.Б. Романовская // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 23-36.
23. Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск, 1997.
24. Урманцев, Ю.А. Девять плюс один этюд о системной философии: Синтез мировоззрений / Ю.А. Урманцев. – М.: Институт Холодинамики, 2001. – 160 с.
25. Штеренберг, М.И. Синергетика и философия / М.И. Штеренберг // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 95-108.
26. Эпштейн, М. «Постмодернизм проник гораздо глубже в русскую культуру, чем могло бы показаться с первого взгляда...» [Электронный ресурс] / М. Эпштейн, В. Савчук // Русский журнал. – 2006. – 16/11. // Режим доступа: http://www.russ.ru/besedy/postmodernizm_pronik_gorazdo_glubzhe_v_russkuyu_kul_turu_chem_moglo_by_pokazat_sya_s_pervogo_vzglyada, свободный.
27. Янчилин, В.Л. Квантовая теория гравитации / В.Л. Янчилин. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 256 с. – (Серия «Relata Refero»).
28. Янчилин, В.Л. Логика квантового мира и возникновение жизни на Земле / В.Л. Янчилин. – 2-е изд. – М.: Новый Центр, 2007. – 151 с., 92-94.
29. Яшин, А.А. Живая материя: Ноосферная биология (нообиология) / А.А. Яшин. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 216 с.
30. Baudrillard, J. L'Echange Symbolique et La Mort / J. Baudrillard. – Paris: Gallimard, 1976.
31. Berthier, D. Méditations sur le réel et le virtuel / D. Berthier. – Paris: Editions L'Harmattan, 2004.
32. Deepwell, K. Reverie, Osmose and Ephémère: Dr. Carol Gigliotti interviews Char Davies / K. Deepwell // International feminist art journal. – 2002. – № 9. – pp. 64-73.
33. Deleuze, G. Dialogues / G. Deleuze, C. Parnet. – Paris: Flammarion, 1977.
34. Goodman, N. Languages of art / N. Goodman. – Indianapolis: Hackett Publishing, 1976.
35. Hamelin, O. Essai sur les éléments principaux de la représentation / O. Hamelin. – Paris: Félix Alcan, 1925.
36. Hammet, F. Virtual reality / F. Hammet. – N.Y., 1993.
37. Leary, T. Chaos And Cyber Culture / T. Leary, M. Horowitz, V. Marshall. – Ronin Publishing, 1994. – 292 pp.
38. Lévy P. Qu'est-ce que le virtuel / P. Lévy. – Paris: Éditions la Découverte, 1998.

39. Madrazo, L. Systems of representation: a pedagogical model for design education in the information age / L. Madrazo // Digital Creativity. – 2006. – Vol. 17. – № 2. – pp. 73-90.
40. Prigogine, I. La Nouvelle Alliance / I. Prigogine, I. Stengers. – Paris: Gallimard, 1979.

M. Bogomolova, S. Erokhin

REPRESENTATION OF THE VIRTUAL REALITY

Abstract: The Article contains the analysis of the particularities of representation of virtual reality in its unity with real reality. The different approaches

to analysis of virtuality and virtual reality, including in condition of paradigmatic turn from postmodernism to postpostmodernism are considered. The main reasons and direction of this paradigmatic turn were revealed. The role of digital technologies in shaping of the virtual reality and formation of the virtual culture and art are considered.

Key words: Postmodernism, Postpostmodernism, digital art, virtual reality, virtuality.

УДК 140.8 : 271.22

Бондарева Я.В.

ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКИЙ ГНОСИС: ЕДИНСТВО ОТКРОВЕНИЯ И УМОЗРЕНИЯ (К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ)*

Аннотация: В статье дается анализ процесса становления базовых гносеологических принципов христианского мировоззрения, ставших впоследствии методологическими основаниями русской религиозной философии. Критикуя европейский рационализм и эмпиризм, рассекающие познание на сферы веры и знания, богословия и философии, откровения и умозрения, русские религиозные философы видят в объединении этих сфер единственно возможный путь к истинному знанию. Этот путь был обозначен еще в святоотеческой восточно-христианской традиции и содержался в понятии «гносис» («ведение») как единстве откровения и умозрения в Богопознании. Сущность гносиса раскрывается в ряде принципов – апофатизма, символического реализма, любви, а также соответствующим им методах – апофатическом, умной молитвы, священного безмолвия, аскетизма. Святоотеческая методология была воспринята, концептуально осмыслена и творчески развита в русской религиозной философии.

Ключевые слова: разум, вера, опытное откровение, мистический опыт, гносис, философия сердца, апофатизм, символизм, реализм, умная молитва, священное безмолвие, аскетизм.

Сосредоточенность русской религиозной философии прежде всего на онтологических проблемах, признание того факта, что познание не является первичным и определяющим началом в человеке, а есть лишь функция действия его в мире, – отодвигают теорию познания на другое, нет, не второстепенное, но иное важное место. В

противовес европейской послекантовской гносеологической традиции, маркирующей философские системы по принципу «где нет теории познания, там нет и философии» (4;13), в русской религиозной философии на первое место выдвигается онтология, которая и определяет задачи для гносеологии. Гносеология связывается и даже ставится в определенную зависимость от базовых онтологических принципов.

Признавая в качестве такого *принципа трансцендентности* Бога миру, русская религиозная философия выводит из него основной *гносеологический принцип – веру*. В данном случае вера и ее предмет – сверхрациональное начало – «взаимно соотносены и формируют друг друга: именно потому что предмет веры трансцендентен, существует вера как единственно возможное отношение к нему; она же, в свою очередь, формирует предмет в соответствии со своими высшими устремлениями» (9;28). Религиозная вера, по мысли С.Булгакова, удостоверяет нас «в существовании иной, трансцендентной, действительности и нашей связи с нею» (2;34) и, напротив, трансцендентное опознаётся как таковое только верою, так как лежит за пределами познания. Однако, выступая против расширенного понимания веры как отношения ко всему «транссубъективному» бытию (С.Франк), С.Булгаков конкретизирует веру как *опытное откровение*, которое представляется ему необходимым гносеологическим элементом веры.

Центральным моментом откровения, в свою очередь, является *мистический опыт*, смысл и цель которого заключается в Богопознании. В ос-

* © Бондарева Я.В.